И. М. Дьяконов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙШЕГО ШУМЕРА*

В буржуазной науке вопрос о возникновении деспотии в Азии, в сущности, вовсе не ставился. Эта государственная форма рассматривалась как имманентно присущая азиатским народам и поэтому исконная. Восточные государства изменяются, согласно этой точке зрения, лишь в объеме, но не в качестве.

Так, по Эдуарду Мейеру (GdA, I, 1[3], стр. 62—63), характер государства, существующего у того или иного народа, вовсе не зависит от состояния развития производительных сил и производственных отношений. Народы Востока раз навсегда «склоняются перед всемогуществом идеи государства», причем это деспотическое государство, раз навсегда данное, совершенно лишено, по его мнению, внутреннего развития. Из такой установки вытекает не только представление об исконной и вечно неизменной восточной деспотии, но и «необходимость» сохранения в восточных странах «жесткой государственной организации» и на будущее время.

Если историки школы Э. Мейера считают восточную деспотию исконной формой государства в Азии в силу географических условий, то большинство буржуазных ученых другого толка, также утверждая ее исконность, «обосновывают» это ссылкой на «дух» восточных народов. Если восточная деспотия восторжествовала над более демократичными формами государственности (как полагают буржуазные ученые, впервые привнесенными с Запада греками в период эллинизма), то это случилось якобы потому, что «Азия взяла форму, но не дух» [1], что эти формы были чужды «восточной душе» [2]. Английский семитолог С. А. Кук, один из редакторов «Кэмбриджской древней истории», пишет в статье «Семиты», носящей характер методологического введения к этому изданию[3], что аристократические инсти-

* Публикуя настоящую статью, редакция ВДИ считает необходимым отметить, что в ней затронут один из важнейших вопросов проблемы возникновения государства на древнем Востоке и привлечен весьма интересный материал. Однако основной вывод о времени и условиях возникновения деспотической формы государства в Шумере и ряд связанных с этим положений статьи представляются спорными. Привлекаемые автором источники оставляют возможность и для иных выводов. Редакция считает крайне желательным, чтобы историки древнего Востока высказали свои соображения по этому вопросу на страницах ВДИ.

[1] W. W. Tarn, Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938, стр. 21.

[2] См., например, F. Sarre, Parthian Art, Survey of Persian Art, т. I, 1939, стр. 406 и многие другие.

[3] Точка зрения Кука является на Западе общепринятой; так, например, Анри Франкфорт говорит о «великолепной статье» С. А. Кука в первом томе «Кэмбриджской древней истории» («Antiquary Journal», 1928, стр. 237).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

туты и деспотии находятся будто бы в полном согласии с «темпераментом» восточных народов [1].

Итак, вывод западноевропейской буржуазной науки: восточные народы неспособны к демократическому развитию, деспотизм искони присущ семитам и вообще восточным народам, ибо он находится в согласии с их «духом». Отсюда делается вывод, что и современным восточным народам не следует предоставлять возможности демократического развития, которое якобы «несвойственно» самому народному духу на Востоке. Колониальные державы нередко «обосновывают» свою власть над народом колоний фактом преемственности этой власти от восточных деспотий [2]. «Теория» исконности и неизменности деспотической государственной формы на Востоке служит целям «обоснования» колониального угнетения.

Характерно, что при всем обилии научной литературы по вопросам вавилонского и вообще древневосточного права работы по древневосточному государственному праву фактически отсутствуют, как будто его вовсе и не существовало. И действительно, если государственная власть на Востоке всегда, искони и неизменно есть не более как произвол царя-деспота, то о какой истории государственного права может идти речь?

За последнее время, главным образом в американской буржуазной науке, появились новые концепции древневосточной государственности, имеющие яркую апологетически-пропагандистскую направленность и связанные с рекламированием пресловутого «американского образа жизни» [3].

Для советской науки восточный деспотизм — явление историческое, имеющее свое начало, развитие и конец.

Совпадает ли во времени процесс образования на Востоке государства в о о б щ е с образованием его д е с п о т и ч е с к о й ф о р м ы, образуется ли государство на Востоке сразу в форме деспотии [4], возможны ли в условиях восточного ирригационного хозяйства какие-то иные государственные формы на определенных этапах исторического развития — эти вопросы необходимо выяснить.

В нашей литературе до сих пор еще не выяснено различие между «восточной» деспотией феодального периода и государственным строем древнего Востока. Сама проблема возникновения восточного деспотического государства, к сожалению, также не получила еще должной разработки в советской науке [5]. Насущно необходимо в этом вопросе разобраться детальнее. Нам кажется, что материал истории древнего Востока, в первую очередь двуречья Тигра и Евфрата, достаточен, чтобы попытаться это сделать, потому что дошедшие до нас древнейшие документы [6] подводят нас

---

[1] САН, I, 1924, стр. 212; ср. стр. 205, 220.

[2] Так, например, на этом основании французские колонизаторы Алжира сгоняли местных жителей с их земли, считая ее «государственной» собственностью.

[3] См., например, статью C. Ümhau-Wolf, JNES, VI 2, стр. 98.

[4] Ф. Э н г е л ь с говорит о том, как «...слуга общества (т. е. должностные лица.— *И. Д.*) при благоприятных условиях, п о с т е п е н н о превращался в господина над ним; как господин этот выступал, смотря по обстоятельствам, то как восточный деспот или сатрап, то как греческий родовой вождь, то как кельтский глава клана и т. д.» (Анти-Дюринг, 1950, стр. 168. Разрядка моя.— *И. Д.*).

[5] За исключением общих работ, касающихся этой проблемы, одному из аспектов ее посвящена статья Н. М. П о с т о в с к о й, Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте, ВДИ, 1947, № 1, стр. 233. Над вопросом о существовании на Востоке различных форм государства работает Д. Г. Редер.

[6] Архивы из Урука, Джемдет-Насра и Ура еще не полностью доступны нашему пониманию; древнейшие тексты, могущие в своей массе быть использованы исследователем, принадлежат архиву из Шуруппака (первая четверть III тысячелетия до н. э.). Наиболее удобный источник — архив из Лагаша (XXIV в. до н. э.); ср. также документы из Адаба и других пунктов. Список архаических шумерских текстов можно найти в моей статье «К происхождению письменности в Двуречье», ТОВЭ, III (1940).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

к самой грани существования классового общества, а сложение деспотии, разумеется, не могло предшествовать его возникновению.

Вопрос о характере древнейшего восточного государства неразрывно связан с вопросом о его экономической основе, и в этой области у советской науки имеются большие достижения. Однако многое и в этой области еще нуждается в уточнении.

До недавнего времени исконность деспотической формы для государств Востока никем не подвергалась сомнению. В 1935 г. внимание автора настоящей работы было привлечено некоторыми явлениями, главным образом идеологического порядка, засвидетельствованными преимущественно в эпосе и лишь отчасти в надписях и документах, которые заставили предполагать наличие иных государственных форм в наиболее древнем Двуречье. Этому вопросу была посвящена работа, написанная мною перед Великой Отечественной войной [1]. В 1943 г. датский шумеролог Т. Якобсен опубликовал статью «Примитивная демократия в древней Месопотамии» [2], где привел значительную часть тех же материалов, что использовал и я в своем докладе 1940 г., а также некоторые другие, тогда мне еще неизвестные. Буржуазный ученый-филолог Якобсен не мог дать подлинно научного анализа приводимых им фактов; единственный его исторический вывод — наличие в древнейшем Двуречье особого «образца» или «типа» (pattern) государства, который Якобсен называет «примитивной демократией»; автор не ставит вопроса ни о причинах, ни о времени реального существования данного «типа», государства Шумера исторического периода он продолжает считать деспотиями в малом масштабе.

Для советской науки крайне важно выработать свою, подлинно историческую точку зрения на эти вопросы, осветить их с позиций исторического материализма. Настоящая работа ставит своею целью привлечь внимание советских исследователей к разработке этой проблемы, которая представляется нам не только одной из актуальнейших для истории древнего Востока, но и имеющей немалое значение для правильного понимания истории Востока вообще.

Государственные образования древнейшего Шумера обычно обозначаются как «города-государства». Этот термин, заимствованный из истории античного мира, вряд ли можно признать удачным для данного случая: прежде всего Лагаш, Умма, Ур, Урук и другие шумерские так называемые «города-государства» представляли собой вовсе не города, а более или менее обширные территории, организованные вокруг одного центра, но не с одним, а с целым рядом сравнительно крупных поселений, организационно составлявших одно целое. Во-вторых, у этих поселений общее с городом было только то, что они были обнесены стенами. Население в них было по преимуществу земледельческое. Поэтому если уж заимствовать откуда-то термин для этих объединений, то лучше брать его не из античного мира, а из гораздо более сходного общества — Египта, где подобным объединениям издавна присвоено название «ном» (термин, впрочем, тоже греческий по происхождению, но традиционно связавшийся для нас с древнеегипетскими условиями). Этот термин также, конечно, условен, но местный шумерский термин «ки» по-русски неудобен.

Чрезвычайно важно правильно уяснить себе сущность такого «нома». Восточные общины основаны на ирригации, а при ирригационном земле-

---

[1] Публикация этой работы была задержана войной, и она была лишь прочитана в виде доклада в Ленинградском государственном университете и Государственном Эрмитаже в сентябре 1940 г. Настоящая статья является переработкой этого доклада.

[2] JNES, т. II, № 3 (1943), стр. 159. Подробный критический анализ работы Якобсена см. в статье Д. Г. Редера, Военная демократия на древнем Востоке, Уч. зап. МОПИ, XIV, Кафедра истории древнего мира, вып. 1, стр. 117 сл.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

делии «...собственность отдельного человека может быть фактически использована только коллективным трудом...»[1], и в этом причина стойкости этих общин. Такие общины с необходимостью стремятся к объединению, так как сколько-нибудь рациональная система орошения, при которой происходил бы дальнейший рост производительных сил, возможна только при организации ее в масштабе целого речного бассейна. Иначе общины — держатели верховьев и головных каналов дезорганизуют оросительное хозяйство ниже расположенных общин. Связующее единство общин, с необходимостью возникающее в странах восточного ирригационного земледелия, выступающее затем как высший собственник и существующее, «...в конечном счете, в виде одного *лица*...»[2], есть поэтому единство в пределах целого речного ирригационного бассейна. Напротив, отдельный «ном», хотя и состоит из отдельных общин (причем те, в свою очередь, могут состоять из общин более мелких, и так далее вплоть до семейной общины, что наглядно можно показать на шумерском материале), не является в этом смысле единством общин, ибо не охватывает целой ирригационной системы или даже сколько-нибудь крупного ее отрезка. Уже из самого сопоставления такого восточного «нома» с «городом-государством», столь обычного в литературе, это ясно видно: если восточный «ном» — это как бы полис, то он тем самым является одной, хотя и составной общиной, а не единством общин; никто не назовет ведь единством общин Афины или Спарту. Если же вспомнить, что древневосточный «город» — это не город в собственном смысле слова, а «...своего рода нерасчлененное единство города и деревни...»[3], то станет ясно, что восточная, в частности, шумерская «номовая община», являясь первичным государственным образованием, подобно полису античного мира, является в то же время и своего рода большой сельской общиной.

Такая «номовая» община, как и всякая восточная община, экономически имеет первоначально двоякую природу. С одной стороны, это земельная соседская община, т. е. коллектив по совместному распоряжению землей. С другой стороны, это ирригационная община, т. е. коллектив по совместному распоряжению водой. Обработка земли в условиях рабовладельческого общества носит индивидуальный характер, что ведет к индивидуализации земельной собственности и к неизбежному распаду общины как коллектива по совместному распоряжению землей. Но этот индивидуальный характер производства в области земледелия вступает в противоречие с коллективным характером производства в области использования воды. Земельная собственность бесполезна для производства, если она не орошена; но тогда она фактически и вообще не может быть собственностью. «Собственность, поскольку она есть только известное отношение к условиям производства, как к *своим*..., осуществляется только через само производство»[4]. Орошение же есть дело коллектива и поэтому тут «...собственность отдельного человека может быть фактически использована только коллективным трудом...»[5]. А это ведет к прочному сохранению общины. В восточном обществе поэтому «...*отдельный* член общины никогда не встает к ней в свободное отношение, в силу которого он мог бы утратить свою связь (объективную, экономическую) с ней»[6].

Поэтому в условиях древне-восточного общества мы можем наблюдать (и действительно наблюдаем, начиная с очень ранних периодов) свободное

---

[1] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Политиздат, 1940, стр. 8.
[2] Там же, стр. 7.
[3] Там же, стр. 13.
[4] Там же, стр. 27.
[5] Там же, стр. 8.
[6] Там же, стр. 28.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

индивидуальное распоряжение землей, включая ее отчуждение, и тем не менее «восточная» община сохраняется и продолжает связывать своих членов.

Шумерское «номовое» объединение, в пределах которого создается государство, являлось в то же время объединением общин на основе ирригационного хозяйства.

Общеизвестно, что во главе каждого такого шумерского «города-государства» или «номового» государства стоял правитель с титулом либо ensí(k), либо lugal. Действительный объем власти этих правителей не установлен. Обычное мнение о том, что это были такие же деспоты, как позднейшие цари Вавилонии или Ассирии, только в меньшем масштабе, основано отчасти на априорных соображениях, отчасти на том, что эти правители в своих надписях возводят свою власть к богам (что, впрочем, по существу ничего не говорит о характере этой власти)[1], отчасти, наконец, на перенесении нашего представления о функции этих правителей внутри присваиваемых ими храмовых хозяйств на их общегосударственные функции, что, конечно, совершенно неправомерно.

Рассмотрим сначала, что дает анализ самих терминов для выяснения характера власти лиц, облеченных данным титулом.

I. «*Энси*» (пишется составной идеограммой PA·TE·SI)[2]. Этимологически ensí(k) определяется как «возглавляющий народ (или род) жрец, закладывающий храмы и другие здания»[3]. Мы можем поэтому заключить, что первоначальной функцией «энси» была функция жреца, притом такого жреца, одной из обязанностей которого была закладка храмов. Эта предлагаемая нами этимология подтверждается и другими фактами. Все древнейшие надписи шумерских правителей — исключительно строительные, посвященные основанию или перестройке храмов и каналов, даже в тех случаях, когда мы можем с уверенностью сказать, что данный правитель был завоевателем. Упоминания о военных подвигах лишь исподволь, обычно в придаточных предложениях («когда он победил такой-то город, он построил такой-то храм»), появляются в надписях правителей, начиная с середины III тысячелетия до н. э.[4] Само строительство храмов и каналов официально объявлялось общенародным делом. Весь народ должен был нести корзины строителя (*dub-ussa(k), dussu, акк. dupsakkum, ṭupsikkum), которые были символом строительной повинности, а сам правитель лично нес первую корзину во главе народа[5]. В надписях «энси» в его качестве жреца иногда называется «энси такого-то (главного городского) бога»,

---

[1] «Эпитеты «Зевсом рожденный», „Зевсом вскормленный“ ничего не доказывают, так как каждый род ведет свое происхождение от одного из богов, а род главы племени уже от более знатного бога, в данном случае—от Зевса» (К. Маркс, Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество», цит. по Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1949, стр. 109; ср. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 143—145).

[2] Это чтение идеограммы PA·TE·SI является в настоящее время общепринятым в шумерологии.

[3] Ensí(k) — из en «жрец» (позже «господин, владыка») + sí «закладывать», «насыпать», т. е. «жрец закладки»; слово это выражается описательной составной идеограммой PA[=ugula «начальник», «староста», повидимому, из ùg «род», «люди» + la(l) «подымающий (?)»] + TE [= temen «основание, насыпь, краеугольный камень»] + si «закладывать», т. е. «поднимающий людей на закладку основания».

[4] Наиболее ранние упоминания военных действий — у Эанатума, SAKI, стр. 10—28, и у Эншадуаны, SAKI, стр. 152, VI, a—d, стр. 156, 4b.

[5] См. Гудеа, Цил. A, XVIII, 10 сл. (SAKI, стр. 108); изображения правителей Ур-Нанше (Гос. Эрмитаж, Атлас по истории культуры и искусства древнего Востока, Л.—М., 1940, табл. 51), Ур-Намму (там же, табл. 56), Ашшурбанапала (British Museum, A Guide to the Babylonian and Assyrian Antiquities, 1900, табл. XIII и др.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

чаще же он—«энси такого-то города» [1], в качестве главы культовой жизни и общественных мероприятий общины. Очень редко, и только в позднем и вторичном употреблении, титул «энси» применяется к божествам [2].

II. *«Лугаль»*. Этимология этого термина совершенно ясна: слово lugal, в ранних текстах lú-gal, означает «большой человек». Применяется этот термин в специфическом значении «хозяин (например, поля, раба, дома, вещи); господин» [3]. Термин этот сравнительно поздний и отсутствует в текстах периода Джемдет-Наср [4]. Бог Энлиль (в других текстах — бог Ан), верховный бог шумерского пантеона, называется lugal-kur-kur-(r)a(k), «хозяин всех земель»; Нингирсу, бог Лагаша,— lugal, т. е. «хозяин, господин» правителя Лагаша; также и другие местные боги являются «лугалями», т. е. «хозяевами» своих городов [5], в некоторых случаях это обозначение употребляется вместо имени божества (например, Лугаль-Уру бог города Уру, Лугаль-Марада — бог города Марада, и т. д.). Таким образом, как титул правителя термин lugal выражает полноту власти, подобной власти хозяина или домовладыки.

Что можно выяснить касательно функций обоих типов правителей из древнейших текстов? [6]. Прежде всего, из них с несомненностью вытекает, что «энси» был представителем общины перед общинным божеством и отвечал за поддержание культа. Еще Лугальзагеси (SAKI, стр. 154, II, 22), называвший себя «энси всех стран», а впоследствии Хаммураби [7] основывали свои притязания на законность своей власти во всей стране на том, что в каждом отдельном «номе» они поддерживали местный общинный культ. О культовой функции «энси» говорят многочисленные надписи [8]. К функциям «энси» принадлежала также организация строительства храмов, различного рода общественных сооружений и каналов. Эта деятельность осуществлялась им от своего собственного имени: в надписях всюду употребляется первое лицо единственного числа; только в Ассирии правитель с тем же званием «энси» (acc. issakku) выступал в этой функции не только от своего лица, но и от лица своего общинного совета (РЗОА, стр. 20). Обе эти функции можно объединить: речь идет об обеспечении материального благополучия общины всеми средствами — как рациональными (строительство каналов), так и основанными на ложных представлениях (культ, храмостроительство) [9].

Из текстов Урукагины (ВДИ, 1951, № 1, стр. 15) можно заключить, что «энси» имел и финансовые функции: ему поступали различные

---

[1] Только Лугальзагеси — «энси всех стран», SAKI, стр. 154, II, 22; OBI, № 87. См. ниже.

[2] Так, Эа — «энси мирового океана» (как основатель здания Apsû внутри океана — apsû, см. «Когда вверху...», I, 60—90) — Utukkī limnūti, IV, стб. III, 1—3, R. Campbell Thompson, The Devils and Evil Spirits of Babylonia, т. I.

[3] «Хозяин поля», например, Déc. ép., № XLIXa, IV, 6, VI, 14; «хозяин раба», например, Гудеа, Статуя B, VII, 33 (SAKI, стр. 72); в письмах вплоть до III династии Ура обращение lugal-mu не означает «моему царю», а является обычным обращением к вышестоящему лицу, см. ВНШП, стр. XIII, прим. 2.

[4] Он появляется в собственных именах в Уруке слоя Ib и в Шуруппаке. См. A. Falkenstein, ATU, стр. 57.

[5] Поэтому всякий человек, упоминая свое имя в связи с именем бога, называет себя его «рабом» (erè, arad — на печатях *passim*), а божество — своим «лугалем». Если же царь — lugal, то его подданные тем самым его erè или arad, т. е.— «рабы».

[6] Под древнейшими текстами мы разумеем в данном случае тексты раннединастического времени. Тексты периода Джемдет-Наср не знают ни «лугалей», ни «энси».

[7] См. введение к Кодексу Хаммураби, целиком построенное на этой мысли.

[8] Особенно отражается это в титулатуре. Надписи о реформах Урукагины говорят об особом «завете» или «договоре» между правителем и божеством.

[9] С представительством правителя перед общинным божеством и ответственностью его за плодородие в общине связан обычай ритуального убийства правителя, пережитки которого сохранялись в Вавилонии вплоть до позднего времени.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

налоги и сборы. Однако он ли устанавливал налоги [1] и только ли он один их собирал — нам неизвестно [2]. В Ассирии этим занимался не правитель, а общинный совет старейшин (РЗОА, стр. 19 сл.).

О законодательных функциях «энси» мы не знаем: законодательные тексты Урукагины называют его «лугалем».

Судебных функций «энси», повидимому, не имел. В Лагаше и других городах существовал особый верховный судья, принадлежавший к крупнейшим сановникам государства; отмена при Урукагине должности сборщика судебных пошлин, поставленного, очевидно, от правителя, свидетельствует скорее всего о том, что суд был общинным [3]. При Хаммураби совет общины был одной из судебных инстанций, наряду с царским судом, введенным им на место жреческого суда [4].

Многие «энси» выступают в роли военачальников. Однако во всех случаях, где это поддается проверке, оказывается, что они возглавляли только отряды лиц, зависимых от храмов или правителей лично [5]. Могли ли они также возглавлять ополчения общинников, имея в виду лиц, имевших наделы не на храмовой или правительской земле,— неизвестно. Некоторые «энси» — например, в Ниппуре, Шуруппаке — военных функций, повидимому, не имели [6].

«Лугаль» обладал, во всяком случае, всеми теми же функциями, что и «энси»; «лугаль» Урукагина обладал, очевидно, также законодательной и финансовой функциями. Подобно «энси», «лугаль», по крайней мере в собственной общине, выполнял функцию представительства общины перед божеством, олицетворяя также в религиозном плане жизненные силы общины [7]. В связи с этим встает вопрос о разнице между этими двумя титулами. Вопрос этот разрешить нелегко, так как, повидимому, словоупотребление было различно в различных местах. Одни города (или «номы») никогда не имели «лугалей» [8], другие, повидимому, в древнейшие времена не имели «энси», или, по крайней мере, до нас не дошло документов, которые свидетельствовали бы о наличии там этого титула [9]. В Лагаше бывали

---

[1] Правда, Урукагина отменяет налоги, а следовательно, мог, вероятно, их и вводить (единолично или по совещании с советом — мы не знаем), но он был в данном случае не «энси», а «лугалем».

[2] Еще и во времена Хаммураби местные общинные советы старейшин обладали рядом финансовых функций местного значения; вероятно, ранее эти полномочия были шире.

[3] Царский суд вряд ли мог обойтись без пошлин, см. ВДИ, 1951, № 1, стр. 29 и прим. 5.

[4] ABRU (VAB, V), стр. 339; ср. RA, VII (1910), стр. 65 сл.; ABGW, стр. 52 сл. Совет старейшин общины решает, например, дело о святотатстве — Jean, Contrats de Larsa, II, № 245; ср. Рифтин, СВД, стр. 294.

[5] Только такие отряды известны нам при Урукагине, см. акад. А. И. Тюменев, ВДИ, 1948, № 1, стр. 22—23. Малая численность потерь в войнах «номов» (например, SAKI, стр. 38, III, 19) в отличие от больших потерь в войнах времен аккадской династии, когда самый характер вооружения и боевого строя указывает на существование ополчения, является свидетельством «дружинного» характера «номового» войска. Собственными воинскими отрядами, кроме «энси», командовали и другие жрецы, см., например, NFT, стр. 52; ср. В. К. Шилейко, ВНШП, стр. XX.

[6] Гарнизоны, упоминаемые некоторыми архаическими документами из Шуруппака, составляли войско не Шуруппака, а Урука, как я постараюсь показать в другом месте (см. WTF, 92, 94, 95 и 101).

[7] Это очень ярко выражено в ритуале инвеституры царя Вавилона, являвшемся пережитком ритуального убийства старого вождя для обеспечения восстановления жизненных сил общины. Жрец бьет царя (или представляющего его человека) по лицу; если брызнут слезы — предстоит удачный год, см. F. Thureau-Dangin, Rituels Accadiens, стр. 145, стк. 448—452.

[8] Например, Ниппур, Шуруппак, Кисура и многие другие.

[9] Например, Ур, Урук (если не считать более позднего времени, когда «энси» стало простым званием всякого окружного наместника в составе державы III династии Ура).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

и «энси» и «лугали». «Лугалем» был Энхегаль, а Лугальшагэнгур (современник Месилима, «лугаля вселенной», от которого он и зависел) был «энси». Основатель новой династии Ур-Нанше в своих надписях называет себя «лугалем», но его внук Эанатум обычно называет его же «энси», так же как он обычно называет «энси» и себя, и своего отца Акургаля, но изредка он себя называет и «лугалем». Урукагина во второй год своего правления принимает титул «лугаль». Во всех остальных случаях надписи правителей Лагаша называют их «энси».

При сравнении обоих титулов бросается в глаза, что титул «энси» применяется только в связи с названием данного «нома» — родного «нома» носителя титула. Со званием «лугаль» дело обстоит сложнее. «Лугаль» может быть «лугалем» отдельного «нома», например, Ура [1], Урука [2], Адаба [3], Лагаша (и даже его части, Гирсу) [4], Киша и т. п. Характер власти такого «лугаля» мы обычно не можем отличить от характера власти «энси». Наряду с этим существуют более широкие по охвату титулы. Таков титул «лугаль Страны (т. е. Шумера)», который носили урукские «лугали» [5], в том числе уммиец Лугальзагеси (сохранявший в родном «номе» только звание «прорицателя» местной богини Нисабы, а в начале своего правления, повидимому, еще и титул «энси») [6] и Саргон аккадский (наряду с титулами «лугаля Аккада» и «лугаля вселенной») [7]. Повидимому, этот титул был связан с претензией на военную гегемонию во всем Шумере и, возможно, предполагал признание в общешумерском культовом центре — Ниппуре. Приблизительно то же верно, по всей вероятности, и для другого титула — «лугаль вселенной». Это был первоначально кишский титул (lugal Kiši(k)^{ki} «лугаль Киша»), но потом он получил более широкое значение с использованием игры слов: lugal kiši(k) «лугаль вселенной». Этот титул носили Месилим и Лугальтарси (может быть, правители Авана и Дера — не непременно Киша) [8], затем Месанепада, «лугаль» Ура [9], затем Саргон, Римуш и Маништусу [10]. К этой же группе «лугальских» титулов нужно отнести некоторые нетрадиционные звания, например, звание Урукагины, который, начиная со второго года своего правления, носил титул «лугаля Лагаша» во внутренней храмовой отчетности, а в официальных надписях — титул «лугаля Гирсу» [11].

Однако нельзя сказать, что «лугаль» было званием гегемона, а «энси» — правителя, подчиненного гегемону. Во-первых, некоторые «энси» — например, Эанатум в Лагаше — сами были крупными завоевателями и ника-

[1] Аанепада, сын Месанепады, C. J. Gadd, Ur Excavations, I, стр. 126—127.

[2] Лугалькинишедуду, SAKI, стр. 156, c, 3; Лугалькисальси, там же; Лугальзагеси, SAKI, стр. 152, 2, I, 4.

[3] SAKI, стр. 152, V.

[4] См. ВДИ, 1950, № 2, стр. 79.

[5] Эншадуана, ВНШП, стр. 11; SAKI, стр. 156, 4.

[6] SAKI, стр. 152, 2, I, 5. Столицей его был, повидимому, Урук.

[7] UMBS, V, № 34. Надпись A—B, III, 2—3 и др. (после завоевания Урука и Ниппура).

[8] Эти имена отсутствуют в списках царей Киша; хронологически Месилим мог бы относиться к династии Авана, имена царей которой в списках не сохранились, см. Th. Jacobsen, SKL. Божество Месилима — дерская Сатран, а не кишский Забаба, см. SAKI, 36, n, I, 8—10. Город Дер был, повидимому, расположен недалеко от Авана, лежавшего на дороге от реки Тигра к Эламу, см. UMBS, V, № 34, XXIII, 20.

[9] «Ur Excavations», II, табл. 191. Здесь Месанепада назван, впрочем, lugal Kiši^{ki} (также Эанатум, SAKI, стр. 22, V, 20—VI, 5), хотя он почти наверное в Кише не правил. Месилим, которого его собственные надписи называют lugal kiši, назван у Энтемены lugal Kiši^{ki} (SAKI, стр. 36, n, I, 9). Повидимому, эти два титула первоначально строго не различались.

[10] SAKI, стр. 160—162; UMBS, V, № 34, и т. д.

[11] Lugal Lagaša^{ki} — SAKI, стр. 42, a, b, c, стр. 44, f, стр. 46, h, I, 4; в документах *passim*; lugal Gír-su^{ki} — SAKI, стр. 44, g, I, 4; стр. 58, III, 7—9.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ким гегемонам, безусловно, не подчинялись. Во-вторых, некоторые «лугали» не правили какой-либо территорией за пределами собственного «нома» и вряд ли были гегемонами. Так, власть Ур-Нанше, «лугаля» Лагаша, не простиралась за пределы лагашского «нома», что видно из местонахождения всех его надписей и упоминаемых в них объектов строительства; то же верно относительно «лугаля» Адаба (Лугальдадиба?) [1]; надписи Саргона Древнего упоминают «50 лугалей и энси» в Двуречье в то время, когда на положение гегемона мог по-настоящему претендовать один только Лугальзагеси (UMBS, V, № 34, VII, 1--4). Вернее будет сказать, что правители, претендовавшие на гегемонию, по б о л ь ш е й ч а с т и носили звание «лугаля», но в этом случае с определением, не традиционным для их родного «нома», или вообще не «номового» характера («лугаль Страны», «лугаль вселенной»).

Только термин «лугаль» переводится по-аккадски как šarrum «царь». О «лугалях» — царях III династии Ура и более поздних времен мы с достоверностью знаем, что они не были ограничены (в качестве владык всей страны) каким-либо советом или другим коллегиальным органом [2]. О шумерских «энси» и «лугалях» раннединастического периода этого утверждать нельзя.

Само существование каких-либо советов в шумерских «городах-государствах» до недавнего времени даже не подозревалось. Объясняется это тем, что, как мы уже указывали, историки базировались исключительно либо на надписях, составленных от имени правителей и носящих посвятительный или строительный характер и уже в силу этого не упоминающих никакого совета, либо же на документах внутренней отчетности храмов и царских хозяйств, где, конечно, также нет места упоминаниям какого-либо подобного органа. Поскольку же храмовое хозяйство обычно мыслилось обнимающим всю территорию государства, постольку и власть правителя, бывшего одновременно администратором или даже владельцем храмового хозяйства, казалась исследователям во всех отношениях неограниченной. Между тем, ряд данных, как мы увидим ниже, говорит о существовании совета в шумерских «номовых» государствах. В частности, звания «старцев» или «отцов города», «старейшин города», «старейшин собрания» упоминаются в древних силлабариях и в списках свидетелей в деловых документах. Этим, бесспорно, доказывается наличие каких-то коллегиальных органов управления. Для освещения характера и функций существовавших в древнем Шумере коллегиальных органов управления оказалось возможным привлечь данные героического эпоса, сослужившего столь большую службу для реконструкции общественных порядков древнейшей Греции. Эта работа была проделана автором настоящей статьи в 1935—1939 гг. и затем независимо от него, как уже указано выше, датским шумерологом Т. Якобсеном [3].

Из обращения к материалу эпоса выясняются следующие факты [4]: 1) В аккадском эпосе о Гильгамеше герой (царь Урука), прежде чем выступить

---

[1] SAKI, тр. 152, V: (1) é-SAR (2) Lugal-da-dib (?) (3) lugal Adabaki «(храм) Эсар Лугальдадиб (?), лугаль Адаба (построил)».

[2] Для царей III династии Ура это вытекает из того факта, что они совершенно неограниченно распоряжались храмовыми территориями во всех «номах» безразлично; что они сменяли и назначали «энси» по своему усмотрению, как любого другого чиновника, и из тому подобных косвенных данных. Для династии Хаммураби это очень ясно видно из сохранившейся официальной переписки.

[3] JNES, II (1943), № 3, стр. 159 сл. Следует отметить слабое знакомство Якобсена с хозяйственными и деловыми документами Шумера.

[4] Приводимые здесь факты 1, 2, 5 и 6 замечены мною и Т. Якобсеном независимо друг от друга.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

в поход, совещается со «старейшинами» (šîbûtum) [1] и добивается их согласия; они названы также «советниками» Гильгамеша (mâlikī-šu) [2]. 2) Во вставном эпизоде с историей потопа (XI таблица аккадского эпоса о Гильгамеше), на совет бога Эа построить ковчег, чтобы спастись от потопа, герой Утнапиштн (по легенде царь Шуруппака) говорит: «Что же я отвечу граду — войску и старейшинам?» ([mi-na-]mi lu-pu-ul âlu umma-nu ù ši-bu-tum — XI, 35). 3) В шумерской героической песне о войне между Гильгамешем, «лугалем» Урука, и Агой, «лугалем» Киша, рассказывается, что Ага прислал послов в Урук с целью добиться подчинения этого города. Гильгамеш обращается с речью к «своим старцам города» (igi ab-ba uru-na-ka) [3]; тогда «в устроенном собрании его старцы города отвечали Гильгамешу» ([unken]-gar-ra ab-ba uru-na-gé ^{d}Giš-bil-ga-mes-ra mu-na-ni -í[b]-gi$_4$-gi$_4$) и не согласились на предложение Гильгамеша оказать сопротивление, считая подчинение Кишу более выгодным. После этого «снова Гильгамеш держал речь перед мужами (gurušˇ) своего города», и «мужи города» отвечают ему полной поддержкой его предложения — опять-таки «в устроенном собрании» (unken-gar-ra). 4) В эпосе о «Хождении Иштар в преисподнюю» Эрешкигаль, царица преисподней, для того чтобы выполнить вынужденное у нее обещание выпустить Иштар на свободу, созывает совет ануннаков (богов земли и подземного царства) [4]. 5) В космогоническом эпосе «Когда вверху» (Enûma eliš) для того, чтобы вручить богу Мардуку руководство войной против Тиамат, старейший из богов, Аншар, созывает совет «великих богов». 6) В шумерской и вавилонской мифологии вообще важнейшие дела мира решаются не единолично верховным божеством, а 50 «великими богами» и 7 «богами, устанавливающими судьбы» в совете, заседающем в особом месте, называемом Ub-šu-unken-(n)a(k), что значит «пространство (или огражденное место, платформа) для устройства собрания» [5].

Этих фактов, число которых можно было бы значительно умножить, достаточно для того, чтобы показать существование у шумерийцев и вавилонян представления, согласно которому «лугаль», по крайней мере во времена героического века, должен был в важнейших делах совещаться с советом старейшин, а иногда и с народным собранием. Эти же порядки они переносили и в царство богов, которое, как известно, почти всегда мыслится по образцу земного, хотя и с сохранением более архаических условий. Факт сохранения представлений о коллективном управлении судьбами мира советом богов тем более интересен, что вся религиозная система древних вавилонян очень ярко отражала идеологию монархии Двуречья.

---

[1] Табл. II, стб. V, 172—188 и далее; табл. III, начало.

[2] YOS, IV, 3, VI, 19 сл. Ср. акк. malkum «князь», др.-евр. mālāk^{h} <*malku «царь», араб. malik(un) «царь». Первоначальное значение этого термина — по крайней мере в аккадском — «тот, которому советуют».

[3] См. AJA, LIII (1949), № 1, стр. 1 сл. Этот текст мне не был известен.

[4] См. CT, XV, табл. 48. Замечено автором настоящей работы.

[5] Термин ub применяется к ярусам зиккурата и переводится обычно «зона» или «ярус». Но поскольку исходной формой зиккурата являлась платформа с водруженным на ней святилищем, вероятное первоначальное значение ub—«платформа» или «пространство». «Страна света» называется по-шумерски an-ub-da, т. е. «небо вместе с ub». В древнейшем Уруке существовало в центре города какое-то общественное сооружение в виде платформы, окруженной колоннами и пилястрами, с родом трибуны, откуда открытые лестницы вели в большой замкнутый двор. Весьма вероятно, что это и было место собрания совета (платформа) и народной сходки (двор). Во всяком случае, такое объяснение кажется более вероятным, чем встречающееся в западной литературе объяснение этого сооружения, как «загона для священных овец Таммуза». Несколько позже, уже в раннединастический период, мы встречаем аналогичное сооружение при дворце правителя в Кише.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Совет старейшин и народное собрание, которые мы встречаем в шумерском и вавилонском эпосе, не были только воспоминанием о временах первобытно-общинного строя. То, что говорится об этих органах в эпосе, является отражением реальных фактов исторического Шумера, что видно из следующих обстоятельств, которых не заметили (кроме, отчасти, пункта 1) Т. Якобсен и другие буржуазные исследователи Запада. 1) В Шуруппаке XXVIII—XXVII вв. до н. э. счет годов велся не по годам правления какого-либо единоличного правителя, а по «очередям» (bala) каких-то должностных лиц, очевидно, ежегодно менявшихся. Каждая очередь падала по жребию, повидимому, не на то или иное лицо, а на определенный, имевший, вероятно, своего представителя в совете, территориальный участок (например, «городок (?) энси», «поле дома писцов») или храм (например, храм бога Думузи-Таммуза) [1]. Это указывает на существование некоего коллегиального органа управления, члены которого занимают по очереди должность как бы архонта-эпонима. Для Ашшура, где существовал точно такой же способ датировки, наличие такого коллегиального органа управления, а именно совета старейшин, бывшего верховным органом государства, можно показать с полнейшей достоверностью (РЗОА, стр. 18 сл.). 2) Должность «старцев города», как реальная существующая должность, достоверно засвидетельствована деловыми и другими документами, начиная со времени династии Аккада (XXIV—XXIII вв. до н. э.) [2]. 3) Надписи Гудеа (XXII в.) прямо называют «собрание» [3]. Эти факты, как мы увидим ниже, могут быть умножены.

О функциях общинного «собрания» шумерского времени мы можем судить на основании функций этого органа в более позднюю эпоху — при династии Хаммураби. Поскольку общинный совет или собрание являлись пережитком первобытно-общинного строя и поскольку центральная царская власть с течением времени, несомненно, усиливалась, постольку можно с уверенностью сказать, что в ранний период общинное собрание обладало, по крайней мере, не меньшими, а скорее бо́льшими полномочиями. Необходимо также отметить, что общинное собрание при Хаммураби — это всего только орган отдельного города или отдельной общины в составе обширного государства, а в период ранне-династического Шумера совет города («нома») или его народное собрание есть орган государства в целом. Уже одного этого соображения достаточно для того, чтобы стало ясным большее значение совета общины в государственной жизни доаккадского периода, чем во времена Хаммураби.

Во времена же Хаммураби общинные собрания, сильно уже урезанные в правах наличием верховной неограниченной царской власти [4], тем не

---

[1] Вот список эпонимов из Шуруппака (LAK, 5, 3; ср. WTF, №№ 30—42. Несмотря на сомнения, высказанные Даймелем, теперь уже никто не сомневается в том, что это эпонимы): 1) «очередь Ур-Нинкуна», 2) «очередь Энеманизи», 3) «очередь (по) жребию бога Шуруппака городка (? — URU + GAR) энси», 4) «очередь (по) жребию бога Шуруппака поля дома писцов», 5) «очередь (бога Шуруппака) Энемзиды (из) храма бога Думузи», 6) «очередь Аллы (по) жребию бога Шуруппака», 7) «очередь Абзуки-дуга». Заметим, что «энси» в Шуруппаке играл очень небольшую роль; храмовым хозяйством он, во всяком случае, не управлял: им управляли различные жрецы и, быть может, как в период Джемдет-Насра, старейшины. См. A. Falkenstein, ATU, стр. 47.

[2] Обелиск Маништусу, D, XII, 4; A, VI, 12 (см. «Mémoires de la Délégation en Perse», II); документы из Гасура, Th. Meek, Old Akkadian, Sumerian and Cappadocian Texts from Nuzi («Excavations at Nuzi», т. III), Harvard University Press, 1935, №№ 49, 3; 132, 3; 139, II, 10; 142, 3; 153, V, 31; 161, 10; 162, 3; 167, 4; 210, 4. Старейшины нередко упоминаются также в додинастический период.

[3] SAKI, стр. 76, c, IV, 11; стр. 66, B, III, 1.

[4] Немногим больше, чем сельским сходом, было собрание безвестного поселения Худаду, CT, II, 9, 3.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

менее обладали следующими функциями: 1) административными: управление общинной землей [1], разрешение, совместно с представителем царской власти, спорных вопросов между общинниками и держателями наделов от царя [2] и т. п.; 2) полицейскими: поддержание общественного порядка под страхом коллективной ответственности перед царем (законы Хаммураби, §§ 22—24); 3) финансовыми: установление цен [3], производство денежных операций в интересах общины[4], вероятно, также выплата содержания пастухам общины и т. п.; 4) судебными: «собрание» (puḫrum, ukkinnum, идеогр. UNKEN [5]) или «старейшины» (šîbûtum) нередко были непосредственно и судом или выделяли суд из своего состава [6]. Большинство дел рассматривалось этим судом, хотя его решение, по крайней мере по гражданским делам, не было для сторон обязательным, и они могли перенести дело в царский суд, учрежденный в середине правления Хаммураби (до него в старо-вавилонский период ведущее место занимал храмовый суд). Таковы были функции общинных коллегиальных органов в период их упадка; как мы увидим, раньше эти функции были значительно шире.

«Собрание» могло быть собранием всех свободных (awêlu), могущих носить оружие, всей общины (âlum, kârum) [7] или советом старейшин (šîbûtum) или тем и другим вместе (âlum ûšîbûtum). Мы не всегда можем решить, о каком именно собрании идет речь в тексте. Собрание общины в целом (âlum, «город», шум. uru, в Сиппаре и в некоторых других городах, а также в ассирийских колониях — kârum), т. е. народное собрание, в то время фактически едва ли часто в полном своем составе являлось активно действующим органом [8]. Члены совета старейшин носили название «старцев» (šîbum, pursumum, mêsum) [9]. Трудно сказать, из кого они состояли, но во всяком случае, они не назначались свыше. По крайней мере, среди всей огромной массы официальных документов, царских писем, перечней царских должностных лиц, списков выдачи наделов и довольствий от царя и т. п. старейшины никогда не упоминаются. Очевидно, это была либо должность наследственная в определенных фамилиях, либо, возможно, выборная [10]. Председателем совета был mu'irrum (идеограмма kengal, GAL+UNKEN) или же назначенный царем градоначальник (rabi'ânum —

[1] W. Schwenzner, MVAG, 19, III, стр. 117.

[2] RA, XXI, 1. Письмо Хаммураби к Шамашхасиру, № 40.

[3] ABRU (VAB, V), № 119,9. Эта функция могла принадлежать и царю. См., например, законы Билаламы, «Sumer», № IV, 2, стр. 68, §§ 1 сл.

[4] См., например, очень интересный документ о расчетах между царским хозяйством и сельской общиной Намгата в документе, изданном А. П. Рифтиным, СВД, № 89 (у А. П. Рифтина неправильно «город» Намгата). «Торговый дом» (bît maḫîrim, букв. «дом цены») без указания на его хозяев (ABRU, № 144, 1), несомненно, принадлежал общине (ср. № 86, 4, а также HG, III, 109; см. также РЗОА, стр. 19).

[5] Этимология слова unken «народный» или «родовой круг» (из un, «народ» и ken, первоначальный знак ○, A. Falkenstein, ATU, № 753).

[6] См. выше, стр. 19, прим. 4.

[7] См., например, Th. Jacobsen, JNES, II, стр. 162—164.

[8] Поэтому термин unken-mes, собственно «муж родового (народного) собрания», мог стать идеограммой не только для abum «pater familias», но и для pursumum «старейшина».

[9] См., например, А. П. Рифтин, СВД, стр. 22; Th. Jacobsen, ук. соч., стр. 166. Шумерское название старейшины — ab-ba, ab-ba uru «старик» (а не «отец», как у Якобсена; значение «отец»—вторичное), «старик города», также AB + ÁŠ uru (P. Koschaker, OLZ, 1936, стб. 151). Термин mes, прототип акк. mêsum, означал первоначально «гражданин», «член народного собрания» (так еще в En. el., VI, 167) и лишь позже «старейшина».

[10] Принцип выборности не был совершенно чужд Двуречью: так, Луматур, сын лагашского «энси» Энанатума, покупая землю у семейных общин, имел дело с «выборными людьми» соответствующих «домов» (Déc. ép., № XLIXa; нумерация столбцов и строк в издании неправильная).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

идеограммы к этому слову нет, что доказывает послешумерское происхождение института; в шумерское время функцию rabi'ânum выполнял, вероятно, «энси»). Иногда председатель совета (или, может быть, секретарь?)[1] носил странное звание «главы колышка» [2] (rabi sikkatim; по-шумерски он назывался ki-mah-ad-gi_4-gi_4, букв. «советник некрополя»; он был, следовательно, как-то связан с общинным кладбищем). В раннее время общинный совет или его члены, несомненно, непосредственно следили за всеми делами гражданско-правового характера и свидетельствовали сделки; этим, очевидно, объясняется тот факт, что слово šîbum, как и шумерское AB+ +ÁŠ, стало, наряду со значением «старец», «старейшина», означать также и «свидетель» [3].

Все эти функции мы имеем право постулировать и для народных собраний и советов в ранне-династический период. Как во времена Хаммураби, так и в шумерское время в состав совета и народного собрания могли входить только полноправные граждане — члены общины (awêlu, шум. lú) [4], чем и объясняется, что в документах внутренней отчетности царских и храмовых хозяйств и не может встречаться упоминаний о совете старейшин и его членах: нужно дать себе совершенно ясный отчет в том, что члены персонала царских и храмовых хозяйств,— все равно, лично свободные или находившиеся в рабском состоянии, чужаки или вовлеченные в государственное хозяйство из местного населения,— не могли быть и не были общинниками [5]. На территории этих хозяйств работали и проживали только либо совершенно безземельные люди, находившиеся на натуральном довольствии, либо лица, получавшие земельные наделы за службу и на срок службы, которые, следовательно, не могли быть полноправными членами общины, так как не имели собственной земли или точнее, доли в общинной собственности на землю[6]. Крупные представители царского и храмового персонала — жрецы, вельможи и т. д.— не исклю-

---

[1] См. «r. s. грифеля правый» и «r. s. грифеля левый», BAW, 81—секретари? Должности rabi sikkatim и rabi'ânum могли совпадать, см. RA, VII, стр. 82.

[2] Sikkatum, шум. gag, обозначает «колышек для прикрепления цыновок и т. п. к стенам», то, что в археологии называется «зигати»; «вотивный глиняный предмет в форме гвоздя»; «колышек, служивший для разметки земельных наделов» (см. например, DP, 31, VI, 15 и др.; письмо Хаммураби к Шамашхасиру, №№ 31 и 41 — RA, XXI, стр. 26 и 35). Последний вид «колышка» здесь, очевидно, и имеется в виду; надо думать, что r. s. был хранителем общинных традиций как в области культа предков, так и в области наследственных семейных прав на землю и вообще обычного права.

[3] Для вавилонского термина см. А. П. Рифтин, СВД, стр. 22, прим. 3, 7, 9; для шумерского — P. Koschaker, OLZ, 1936, стб. 151.

[4] Термин lú означает обычно полноправного мужчину (но и человека вообще — так, например, в хозяйственных документах времени Урукагины); то же обычно означает и «сын города» (dumu-uru). Термин gurus, которым в эпосе о Гильгамеше и Аге названы члены народного собрания, повидимому, возрастной и не имеет социальной окраски, см. ВДИ, 1946, № 2, стр. 10; 1948, № 1, стр. 31 сл. и № 2, стр. 34; 1949, № 2, стр. 36. То же первоначально верно и в отношении термина mes.

[5] Речь идет, конечно, о храмовых хозяйствах, уже выделившихся в качестве самостоятельных экономических и организационных единиц, какие мы встречаем в лагашском и более поздних архивах. В период Джемдет-Наср, напротив, храмовые хозяйства находились, повидимому, еще в управлении общинных старейшин (ab-ba), считались достоянием всей общины и обслуживались, по всей вероятности, не специальными посаженными на храмовой земле работниками, а, скорее всего, всеми общинниками.

[6] Членство в общине — безразлично древневосточного или античного типа — непременно связано с обладанием долей в общинной земле. Маркс пишет об античной общине: «Общинный строй покоится здесь в такой же мере на том, что его членами являются трудящиеся земельные собственники, парцелльные крестьяне, как и на том, что самостоятельность последних обеспечивается их взаимным отношением между собой как членов общины, обеспечением ager publicus для общих потребностей, и общей славой, и т. д. Предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине, но, как член общины, каждый отдельный человек является

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

чались из числа членов общины[1], но это происходило, по всей вероятности, потому, что они имели землю и за пределами царских и храмовых хозяйств [2].

Разумеется, функции ранне-династического общинного совета не могли ограничиваться тем узким кругом деятельности, который сохранялся у общинных собраний времени Хаммураби. Чтобы заключить о всем объеме этих функций, мы должны перейти к вопросу о взаимоотношении между правителем — «энси» или «лугалем»— с одной стороны, и советом и народным собранием, — с другой.

Для этого прежде всего рассмотрим характер и источники власти правителя. Это кардинальный вопрос. Власть племенного вождя зиждется на народном избрании. Он может быть в любое время отозван и смещен [3]. Он представитель, но не владыка племени. Власть царя-деспота, совершенно напротив, носит патримониальный характер. Она зиждется на наследственной собственности царя на самое царство и, в частности, на всю его земельную территорию [4]. Теория божественного происхождения для сущности характера власти правителя совершенно безразлична. Это лишь идеологическое обоснование ее: власть вождя также может быть освящена теорией его божественного происхождения, как и власть деспота. Поэтому нас не должно смущать, что шумерские правители в своих надписях подчеркивают божественное происхождение своей власти. Божественное происхождение приписывали не только своей власти, но и себе лично и греческие басилеи, однако они, как известно, далеко не были деспотами,— в сущности даже и не монархами [5].

частным собственником. Относясь к своей частной собственности, как к земле, он в то же время относится к этой частной собственности, как к основанию своего членства в общине, а сохранение его, как члена общины, есть точно так же сохранение существования и общины, и наоборот и т. д.» («Формы, предшествующие капиталистическому производству», Политиздат, 1940, стр. 9). Далее Маркс говорит о том, что античная община является предпосылкой *собственности* на землю, опосредствованной тем, что собственник является членом государства. Что касается восточной общины, то в ней, по Марксу, «К земле люди относятся с наивной непосредственностью, как к *собственности коллектива*. Каждый отдельный человек выступает только как звено {коллектива}, как член этого коллектива — он *собственник* или *владелец*» (там же, стр. 6). Следовательно, и здесь участие в собственности на землю есть предпосылка членства в общине. Непременное условие участия в общинной собственности на землю для членства в общине является обязательным для всякой общины, в том числе, и даже в особенности, для того периода, когда «связующее единство» общин, «реализованное в деспоте», еще не сложилось или только складывается.

[1] Ряд подобных должностей исполняют, например, общинники, продающие землю царю Маништусу.

[2] Храмовые хозяйства возникают, как земля, выделенная из общинной территории для обслуживания культа, еще в первобытно-общинную эпоху (см. К. Маркс, «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, 1941, стр. 48). В Шумере они засвидетельствованы еще до периода Джемдет-Наср (3100—2800 гг. до н. э.). В связи с исключительным усилением жречества, держащего в своих руках всю ирригацию, они в начале периода классового общества (с 1-го ранне-династического периода, 2800—2500 гг. до н. э.) превращаются в организационно-обособленную экономическую организацию и оплот жречества. Впоследствии, как мы видим на примере предшественников Урукагины (см. ВДИ, 1951, № 1, стр. 23—24, 27, §5), они переходят в руки верховных жрецов-правителей и сливаются с царскими хозяйствами, которые до тех пор были только наиболее крупными из земельных владений знати. Эти вопросы должны быть подробнее освещены в особой работе.

[3] См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 87—88 и 94—95.

[4] См. К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Политиздат, 1940, стр. 6.

[5] См. К. Маркс, Конспект книги Л. Г. Моргана, «Древнее общество», «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 143—145; Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 110. См. выше, прим. 1 к стр. 17.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Древнешумерский правитель не был собственником всей земли государства — по крайней мере, в доаккадский период. Он далеко не всегда имел в своем владении даже храмовую землю. В документах храмового архива из Шуруппака и более ранних нет и намека на право владения «энси» землями храма, и даже в Лагаше времен Лугальанды и Урукагины, как видно из надписей этого последнего [1], такое право «энси» оспаривалось. Тем более это касается земли внехрамовой. Если «лугалю» Энхегалю[2], или «энси» Эанатуму (NFT, стр. 220), или даже царю Маништусу [3] нужно приобрести земельный участок, он покупает его за обычную цену, с соблюдением всех обычных формальностей, как всякий иной смертный (хотя, вероятно, он имел возможность оказать давление на владельцев и продажа фактически, быть может, могла носить и принудительный характер; но раз сделка оформлялась как покупка, значит в правосознании шумерийца царь не был собственником продаваемой ему земли [4]). В теории собственность на всю территорию государства принадлежала общинному богу, «хозяину» общины [5]. Но, хотя «энси» представлял общину перед богом, отсюда еще не следует, что он представлял бога перед общиной. Это недоказанное предположение. Единство общин, олицетворяемое в виде воображаемого существа — бога, не обязательно должно одновременно олицетворяться и правителем [6]. А шумерский «ном» был в сущности, как указывалось выше, даже не единством общин, а одной большой общиной, хотя и состоящей из более мелких общинных образований. Под «единством» общин следует разуметь объединение общин целого замкнутого ирригационного бассейна, ибо только объединение ирригационной системы оправдывает существование этого единства.

Следовательно, у нас нет достаточных оснований говорить о патримониальном характере власти ранне-шумерского правителя. Посмотрим, имеются ли основания говорить об избрании, как источнике власти правителя ранне-шумерского периода. Обратимся прежде всего к тем случаям, когда правитель является основателем новой династии. Таким правителем, например, был Урукагина. О своем приходе к власти и происхождении этой власти он повествует в следующих выражениях: «Нингирсу, воин Энлиля, дал Урукагине «лугальство» Лагаша (и) из 36 000 человек его рука взяла (его)» (ВДИ, 1951, № 1, стр. 23). Как понять это «взятие богом» из численно определенного круга людей? Это не просто «способ выражаться». Ассирийскому или вавилонскому царю не пришло бы в голову говорить о своем избрании (хотя бы и богом) из числа народа; для него разумелось

---

[1] См. ВДИ, 1951, № 1, стр. 23—24, 27 (§ 5).

[2] Документ издан у G. Barton, UMBS, IX, № 1; он же, Royal Inscriptions of Sumer and Akkad, стр. 13 (перевод абсолютно негодный).

[3] См. «Обелиск Маништусу», «Mémoires de la Délégation en Perse», II, табл. 1—10.

[4] Ведь отсутствие на Востоке собственности на землю у кого бы то ни было, кроме царя, как это было в период господства деспотизма, было, как подчеркивает Маркс, обстоятельством, юридически кажущимся, маскирующим реальную общинную собственность («Формы, предшествующие капиталистическому производству», стр. 6). Речь, следовательно, идет здесь о правовых категориях, а не о реальной силе царя и его подданных.

[5] Вот почему в текстах, вместо выражения «пределы Лагаша» (например, SAKI, стр. 68, V, 5—6), встречается также и выражение «граница (бога) Нингирсу», см. ВДИ, 1950, № 2, стр. 79, прим. 5 и особенно SAKI, стр. 36, n, I, 1—7.

[6] Маркс пишет: «Часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу, существующему, в конечном счете, в виде одного *лица*, а этот прибавочный труд проявляется и в виде дани, и т. п., и в коллективных видах труда, служащих для возвеличения единства—отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа,— бога» («Формы, предшествующие капиталистическому производству», Политиздат, 1940, стр. 7. Разрядка моя.—*И. Д.*).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

бы само собой, что страной и народом должен править именно он, по праву наследства или по праву завоевания, а после него — его потомки. Разве в то время можно было хотя бы представить себе, что бог изберет на царство не именно его, а кого-либо иного из народа? Узурпаторы в то время презрительно назывались «ничьими сыновьями», а сами они всячески пытались скрыть свое нецарское происхождение. А здесь правитель хвастает тем, что бог мог бы избрать другого из народа, а избрал именно его. То же самое повторяет и другой основатель династии — Гудеа» (SAKI, стр. 68). Но, оказывается, не только те правители, отцы которых не стояли у власти, считались «избранными богом» из среды народа. То же самое известно и относительно Энтемены, правившего после своего отца, дяди, деда и прадеда (SAKI, стр. 34, g, I, 2—3).

Что же скрывается за этой формулой? Как выглядело в действительности такое «взятие рукой бога»? С моей точки зрения, речь идет об избрании правителя либо народным собранием в составе всех свободных мужчин «нома», способных носить оружие[1], либо советом старейшин (позже, по крайней мере, отождествлявшим себя с самим городом или «номом»)[2]. Как уже указывалось выше, самый принцип выборности известен Шумеру. Но речь идет не только о предположениях. Т. Якобсен обратил внимание на текст стихотворной истории Нарам-Сина (RA, XVI, 1919, 11, 25—30). Против Нарам-Сина восстал город Киш: «в поле Энлиля, между Эсабадом и храмом Гулы, (город) Киш собрался, и они подняли Ипхур-Киша, мужа кишского, на царство». Выражение «город собрался» — технический термин для созыва совета или народного собрания [3].

Могут возразить, что тексты Урукагины, Гудеа и Энтемены не достаточно определенны, а что в последующем случае идет речь о противозаконном выдвижении узурпатора. Но что могло быть законнее в глазах древних, чем царская власть, которой обладает царь богов, чей культ освящает царскую власть вообще, кто является не только царем небесным, но и покровителем царей земных и источником их власти [4]. Могли ли вавилоняне изображать власть царя богов приобретенной наподобие власти узурпаторов? И, однако, посмотрим, как описывает официальный космогонический эпос «Энума элиш» (читавшийся в праздник Нового года перед обрядом ежегодной инвеституры царя) приобретение Мардуком царской власти [5]. Тиамат выступает против богов; сторонники Тиамат «устроили для нее

---

[1] Сравни весьма характерное имя одного из «лугалей» династии Акшака — Ундадибдиб «взятый (избранный) народом» (или «родом»?), см. Th. Jacobsen, SKL, стр. 106, стк. 46. Обычное чтение этого имени — «Ундалулу» — лишено смысла. Сравни также любопытное шумерское имя ^{d}SU. KUR. RU-unken-za «Бог Шуруппак — в твоем собрании», WTF, 114, 2.

[2] Римские магистраты, выбиравшиеся свободными гражданами Рима, считались однако, также «избранными богами», см. Cic., Pro Mur., I, 1, где говорится, что суду, разбирающему вопрос о правильности избрания консула, «передана вся власть бессмертных богов». Указаний на подобные представления, существовавшие в Риме не всегда только в виде пережитков, довольно много. Какова была техника этого избрания царя из числа всего свободного населения в Лагаше, не играл ли здесь роли, например, оракул,— мы не знаем; но в принципе это дела не меняет.

[3] Ср. HG, III, 711 (Jean, Tell Sifr, № 42) — dajjânum (!) a-lum ip-hu-ur-ma «судья, (а именно) город собрался». Перевод Якобсена (JNES, II, 1943, № 3, стр. 163, прим. 20) «судья город собрал» вряд ли возможен, так как paḫârum в первой породе означает «собираться», а не «собирать».

[4] В Вавилонии год, в котором царь не принял из рук Мардука царской власти, считался междуцарствием. Поэтому этот обряд повторялся ежегодно.

[5] Якобсен ссылается в своей работе на «Энума элиш» (III, 133—138, IV, 28—32, VI, 166—167 и др.), но он не заметил, что здесь в точности, с применением технических терминов, описана как вся процедура выборов царя, так и круг его полномочий. Ср. F. Thureau-Dangin, Rituels Accadiens, стр. 136, стк. 279 сл., где указана обстановка, в которой читался эпос.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

собрание» (iškunûši puḫra)[1], и царем был сделан ее любовник Кингу. Старейший из богов, Аншар, посылает к остальным богам вестника с приглашением: «В Убшуккинаку вместе радостно вы будете заседать»[2]. Боги собираются, и дело начинается с пира: «Они собрались и пришли [туда], | все великие боги, решающие судьбы[3]. | Они вошли пред Аншара и наполнили [двор?], | поцеловались друг с другом, в совете богов [собрались] ... | Они..... [и сели] за пир[4], | ели пшеничный хлеб и пили (?) [вино]; | напиток рассеял их страхи... | ... они стали беспечны, их сердце ликовало; | Мардуку, своему отмстителю, они судили судьбу. | Ему поставили возвышение знатности[5], | перед своими отцами он сел в совете»[6].

Таким образом, Мардук прежде всего получает место в совете, которого он раньше не имел. Боги заявляют ему: «Ты ведь — Мардук, наш отмститель! | Мы дадим тебе царство над всею вселенною: | воссядь, и пусть в совете твое слово будет высоко»...(IV, 13—15). Следует сцена испытания могущества и мудрости Мардука. Затем, «как увидели боги, что творит его слово, | возликовали и благословили: только Мардук — царь! | Они добавили ему[7] жезл, престол и обруч[8]...». Из этого описания видно, что царь избирался советом из членов совета, и этим определялась законность его власти. Заметим, что «Энума элиш» — поздний эпос, составленный в окончательном виде во всяком случае позже Хаммураби[9]. Тем любопытнее встретить в нем такого рода представления.

В том же эпосе очерчен круг полномочий царя, причем употреблены точные технические термины, хорошо известные нам из документов. Речь идет об избрании сторонниками Тиамат ее любовника Кингу царем: «Среди богов, ее первенцев, тех, которые созвали для нее собрание, | она (т. е. Тиамат) возвысила Кингу, возвеличила его. | Предводительство, главенство в войске, председательство в собрании,[10] | ношение оружия, наступление, оборону, | дела войны и должность rabi sikkatim[11] | она передала в его руки, посадила его на karru, (говоря): | «...Я возвеличила тебя в со-

[1] En. el., III, 95; L. W. King, The Seven Tablets of Creation, L., 1902; Al. Heidel, The Babylonian Genesis, Chicago, 1942; R. Labat, Le poème babylonienne de la création, P., 1935.

[2] En. el., III, 61, 119. Убшуккинаку — то же, что шум. Уб-шу-ункена, см. выше.

[3] В отличие от низших божеств, не заседающих в совете.

[4] Любопытно, что по-шумерски слово unken «собрание» передается иероглифом сосуда. Вероятно, пир был обязательной частью собрания. Из Шуруппака дошел документ о расходах на «мужей, едящих хлеб в месте собрания», WTF, № 101.

[5] Т. е. возвышение, на котором ставится кресло знатного человека.

[6] En. el., III, 129—IV, 2. Последние две строки относятся к предыдущему, чего не заметил Якобсен, упустивший поэтому из виду, что «судьба» Мардука, которую «судили» боги, заключалась в его «кооптации» в состав совета. Со следующей строки (IV, 3) начинается вставной гимн к Мардуку.

[7] К прежней его власти как старейшины, члена совета.

[8] Инсигнии царской власти.

[9] Это видно отчасти из языка, намеренно, но неудачно и преувеличенно архаизирующего и подражающего языку III тысячелетия до н. э., так, например, тщательно избегается не только предлог kîma, но и предлог ana, который, хотя и реже, чем во II тысячелетии, все же в текстах III тысячелетия встречается довольно часто. Оба предлога заменяются в «Энума элиш» наречным окончанием -iš, причем встречаются такие искусственные формы, как maḫariš, образованная от ana maḫar — вместо правильного maḫriš. Наряду с этим проскальзывают поздние, явно невозможные в III и начале II тысячелетия формы. Текст этот был строго каноническим, и предполагать в нем позднейшие искажения трудно. С другой стороны, эпос относит избрание Мардука царем ко времени до сотворения мира, в то время как, согласно законам Хаммураби (начало введения) это событие непосредственно предшествовало превращению Вавилона, города бога Мардука, в город-гегемон Двуречья (и, согласно Хаммураби, всего мира). Таким образом, ко времени создания эпоса представление о Мардуке, как о царе богов, было уже освящено временем, чего не было еще при Хаммураби.

[10] Mu'irrût puḫri. Ср. выше, стр. 24.

[11] Rab-sikkatûtu. Ср. о rabi sikkatim выше, стр. 25, прим. 1 и 2.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

брании богов»; | совещание со всеми богами она поручила ему» [1]. Круг обязанностей царя очерчен здесь очень четко: это функция военачальника, председательство в совете или народном собрании [2] и совещание с этими органами. Культовые обязанности, бывшие у царя, конечно, опущены, поскольку речь идет о богах. Нет упоминания и о судебных функциях, но уже по другой причине: единоличного царского суда или суда царских чиновников не было и в мире богов [3]. Объявление войны возможно, согласно тому же тексту [4], только с ведома совета (собрания).

Следует обратить особое внимание на тот факт, что вся терминология в приведенных отрывках «Энума элиш» — это реальная терминология государственной практики II тысячелетия, а вовсе не архаическая или абстрактная.

После всех приведенных выше фактов едва ли приходится сомневаться в том, что в древнейшем Двуречье законность власти правителя основывалась на избрании советом старейшин [5]. Факт наследования власти правителя в одном роде не может поколебать этого вывода [6].

Но для того, чтобы доказать, что источником власти правителя был совет или народное собрание, нужно еще выяснить, могли ли эти органы низлагать царя. Посмотрим сначала, в каких выражениях древние тексты говорят о низложении должностного лица вообще. О таком случае говорит § 5 законов Хаммураби; речь идет о неправедном судье: «В собрании (puhrum) с престола [7] судейства его сведут, и он не дожен возвращаться, и с судьями в суде он не должен заседать». Сравним с этим судьбу, которую предвещает Гудеа правителю, который осмелился бы разрушить воздвигнутую им статую: «(Богиня) Инана, владычица всех стран, голову его в собрании (unken) да осудит [8], основание его утвержденного престола (^{giš}gu-za) да не сделает прочным, семя его да прекратит, правление (букв. «очередь») его [9] да прервет». Все проклятия, приводимые в шумерских и вавилонских надписях, имеют всегда в высшей степени возможное, отнюдь не чисто теоретическое содержание (мятеж, поражение врагом, плен,

---

[1] En. el., III, 95—103. Эпизоды с Кингу Якобсеном не привлекались.

[2] В числе титулов Гудеи встречаем: «тот, кому его (родовой) бог Нингишзида дает сидеть во главе собрания» sag-zi(g) unken-(n)a PA-è-a ^{d}Nin-giš-zi-da dingir-(r)a-na-gé (SAKI, стр. 66, Статуя B, III, 3—5). Отсюда следует: 1) что Гудеа стоял во главе совета; 2) что он занимал это положение в совете в связи со своею принадлежностью к данному роду.

[3] И здесь судом являлся совет: «Судебное решение, речь собрания по слову Ану и Энлиля» (di-til-(l)a inim pu-uḫ-ru-[um dingir-(r)e-ne-ka] dug$_4$-dug$_4$-(g)a An ^{d}En-[lil-ka-ta] — HGT, I, IV, 9—10, цит. у Якобсена). Из этого текста, между прочим, вытекает, что термин di-til-la «судебное решение», хотя и применялся в период III династии Ура к решениям царского суда, однако первоначально относился к решениям совета. Ср. позднее проклятие (ARAB, II, 658), где говорится о решении судебного дела в Уб-шу-ункене (объяснено как «двор собрания богов»).

[4] En. el., III, 116—122 (здесь употреблен термин unkennu, синоним puhrum); см. также IV, 166 и др.

[5] Даже при III династии Ура, когда «энси» уже превратились в сменяемых царских чиновников, введение их в должность тем не менее производилось не простым актом верховной власти, а особым порядком, в присутствии нескольких лиц, повидимому, членов совета старейшин, см. V. Scheil, Hilprecht Anniversary Volume, 1909, стр. 152—155.

[6] См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 85.

[7] Kussûm, идеограмма ^{giš}gu-za.

[8] Собств. «голове его в собрании да установит судьбу». Едва ли nam-tar следует переводить «проклянет», как это делает Якобсен.

[9] Bala. Текст взят со Статуи C, IV, 9—12, SAKI, стр. 76. Якобсен. JNES, II, стр. 163, полагает, повидимому, что речь идет о совете богов. Но это было бы сказано прямо, как и делается в огромном множестве других текстов, где упоминается совет богов.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

болезнь, бесплодие, нищета, неурожай). В этом контексте «осуждение (божеством) в собрании» также выглядит, как угроза реальным бедствием для нечистивого правителя. Поэтому можно считать, что во времена Гудеа (ок. 2200—2150 гг. до н. э.) возможность низложения правителя в совете (менее вероятно — народном собрании) казалась еще достаточно реальной.

Нам приходилось уже указывать на вероятность того, что Урукагина вступил в должность «энси», а потом и «лугаля», при жизни предыдущего правителя Лугальанды (ВДИ, 1951, № 1, стр.15). Но если это так, то напрашивается мысль, что Лугальанда был низложен не путем дворцового заговора или иного насильственного переворота, а, скорее всего, именно решением совета. Дворцовый или социальный переворот, имевший своим результатом мирное и почетное проживание низложенного правителя под властью своего преемника, не имел бы прецедентов во всей истории древнего Востока, и не только Востока. Может быть, именно этот или подобный исторический пример и позволил Гудеа призывать на голову правителя-святотатца именно такую кару.

Правило выборности и сменяемости правителя относится в равной степени и к «энси» (Энтемена, Урукагина, Гудеа) и к «лугалю», поскольку речь идет о лугале определенной общины (Инхур-Киш, а в мифологии, где боги составляют также своего рода «общину» — «небесный город» [1] — Кингу и Мардук). Не случайно поэтому правление как «энси», так и «лугаля» называлось по-шумерски bala, т. е. «очередь», «оборот» [2]. И «энси» и «лугаль» были ограничены в своей власти советом, а также, по крайней мере сначала, и народным собранием. Значение народного собрания, повидимому, рано начало падать. Если в шумерской эпической песне Гильгамеш, после совещания со старейшинами, обращается к народному собранию за согласием на объявление войны, то в аккадском эпосе о Гильгамеше народ уже только пассивно присутствует при заседании совета старейшин (II, стб. V, 172).

Подытоживая имеющиеся сведения о полномочиях как правителя, так и коллегиальных органов управления в древнейшем Шумере, можно сравнительно четко определить функции совета старейшин и народного собрания, с одной стороны, и с другой, — функции правителя — «энси» и «лугаля».

«Энси», как мы видели, 1) возглавлял общинный культ и представлял общину перед божеством, 2) ведал храмовым и иным общественным строительством, а также ирригацией, 3) в более позднее время управлял большей частью храмовых хозяйств, постепенно превращая их в свою собственность, 4) предводительствовал войском из лиц, зависевших от храмов и от него лично, 5) председательствовал в совете старейшин или (и?) в народном собрании. Различие между «энси» и «лугалем» отдельной «номовой» общины не вполне ясно. Весьма вероятно, что многие правители отваживались принимать звание «лугаля» только когда поблизости не существовало могущественного гегемона, который носил этот титул [3]. Но предположение о том, что «энси» назывался только зависимый, «вассальный» правитель

[1] Даже с «гражданами» mêšī, ср. En. el, VI, 167.

[2] Этим термином обозначалось очередное отправление жреческих функций, см., например, RTC, 288 и ŠL, стр. 31, № 16, но равным образом и правление (акк. palû) царя; в Ассирии, впрочем, иногда термином palû обозначалось не все правление, а каждый год царствования в отдельности, см., например, анналы Ашшурнасирапала, AKA, стр. 269, I, 44 и *passim*. Боги, по верованию вавилонян, также имели свои palû. Так, возвышение Саргона произошло, согласно легенде, «ina palê Ištar, «в очередь Иштар», см. CCEBK, II, 113, об. 1. Большой материал по этому поводу собран Я к о б с е н о м, JNES, II, стр. 170.

[3] Так, весьма вероятно, что очень могущественный Гудеа не принимал, тем не менее, звания «лугаля» потому, что платил, как доказал В. К. Шилейко (ВНШП, стр. XXX сл.), дань кутиям; вероятно также, что Урукагина принял титул «лугаля»,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

являющееся общепринятым, не может объяснить всех фактов. Почему, например, такой крупный и бесспорно самостоятельный правитель, как Эанатум лагашский, называет себя «энси» даже в тех надписях, которые по преимуществу говорят о его победах, а «лугалем» — только в надписи, связанной с одной определенной войной, происходившей как раз в начале его правления? Отметим также, что в ранне-династический период «энси», поставленный или даже только утвержденный гегемоном, называется специальным термином ensi-gar, что В. К. Шилейко (ВНШП, стр. XIV) с полным основанием переводит как «назначенный энси». Так называет себя правитель Адаба (где, вообще говоря, бывали и «лугали») при гегемоне, «лугале» Месилиме [1]. В Шуруппаке, входившем в государство гегемонов I династии Урука, были также «назначенные энси» [2].

Мне кажется вероятным, что звание «лугаля», т. е. «хозяина», давалось — по крайней мере в Лагаше — в связи с какими-либо чрезвычайными полномочиями, например, для созыва ополчения на войну (Эанатум), для проведения законодательных реформ, а может быть, также для войны (Урукагина). В некоторых городах «лугаль» было, вероятно, обычным званием правителя, так же как в других городах — звание «энси». Такой «лугаль» отдельной «номовой» общины имел все те же функции, что и «энси»; сверх того только для него, но не для «энси» засвидетельствованы функции законодательства и предводительства ополчением, и право, с согласия совета старейшин и народного собрания, объявлять войну (это не значит, что этих функций вовсе не могло быть у «энси»).

Особый тип правителя представлял «лугаль»-гегемон, власть которого выходила за пределы отдельного «нома» и в силу этого не была ограничена местными коллегиальными органами. Власть «лугалей» такого рода (главным образом «лугалей вселенной» и «лугалей Страны»), вероятно, колебалась в объеме в зависимости от места и времени, но с общей тенденцией к усилению. Так, «лугали» I династии Урука, современники архива из Шуруппака (к ним должен был принадлежать и Гильгамеш, если он был историческим лицом, что возможно) были, вероятно, не более, как вождями военного союза общин [3]; власть Лугальзагеси была гораздо более значительной, причем он уделял большое внимание ее идеологическому обоснованию; наконец, власть царей династии Аккада, присвоивших, повидимому, все (или все основные) храмовые хозяйства страны, была уже, вероятно, почти неограниченной, и «номовые» советы старейшин могли при них играть лишь минимальную роль, поскольку носили чисто локальный характер [4]; а местные «энси» при династии Аккада по своим полномочиям мало отличались от царских наместников позднейших времен.

когда пало государство II династии Урука, и власть в Уруке перешла к не признаваемому Урукагиною «энси» соседней Уммы Лугальзагеси, которого в Лагаше, уже даже после нанесенного им поражения, продолжали называть только «энси» Уммы (SAKI, стр. 58, III, 11—13); не исключена возможность, что принятие лугальского звания Ур-Нанше в Лагаше связано с падением осуществлявшейся здесь ранее гегемонии «лугалей вселенной», а принятие аналогичного титула Урлумой в Умме (SAKI, стр. 150, № 2) связано с выходом этого города из-под гегемонии Лагаша.

[1] ВНШП, стр. XIII (перевод текста у В. К. Шилейко едва ли правилен).

[2] Это весьма незначительные фигуры. См. WTF, 147, 1: Шубур, «энси-гар» — получатель крупной суммы медью в качестве платы (ā-gar; помещен во главе списка); в WTF, 9, стб. 13, Зизи, «энси-гар», получает от храма, в числе других лиц персонала, осла для пахоты; «великий энси» Андаси (An-dá-si), упомянутый в WTF, 5, стб. 4, в качестве получателя ослов для пахоты от храма, в WTF, 6, стб. 3, назван просто «скотоводом» (lú-gud); и т. д.

[3] См. списки воинских отрядов городов Двуречья, возглавляемые каждый раз отрядом Урука, в WTF, 92, 94, 95, 101 при полном отсутствии упоминания дани или какого-либо вмешательства «царя» в дела Шуруппака.

[4] При династии Аккада существовало, однако, как кажется, собрание войска, см. ниже, стр. 36, прим. 1, на что указал Д. Г. Редер.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Что касается совета старейшин и народного собрания, то, как можно реконструировать, функции их заключались в следующем: 1) избрание, а при случае и низложение правителя (причем, как видно из эпизода с Мардуком, избирался обычно член совета и, как видно из генеалогий правителей, как правило, из определенного рода) [1]; 2) принятие в число свободных граждан — членов общины [2]; 3) подача правителю советов во всех важнейших государственных делах, в особенности в вопросе об объявлении войны [3]; 4) суд, разбирательство и свидетельствование сделок всякого рода, очевидно, на основе обычного права, слагавшегося в практике этого же суда; эта функция осуществлялась либо «собранием» в полном составе, либо специально выделенными судьями; 6) установление цен, штрафов и всякого рода сборов и, может быть, производство разного рода торговых операций [4]; 7) управление общинным имуществом (в том числе, в наиболее ранний период, и храмовым) [5]; 8) внутренняя администрация и поддержание порядка; 9) общий контроль над деятельностью правителя [6].

Мы вполне сознаем, что материал, доказывающий недеспотический характер власти правителей различных званий, существовавших в «номовых» государствах раннего, еще не объединенного Шумера, пока очень скуден. Но все же такой материал есть. Напротив, в пользу обычной, традиционной точки зрения на шумерского правителя «нома» как на деспота, с нашей точки зрения, нет никаких доказательств, за исключением априорных соображений, основанных на убеждении, что на Востоке иного типа государства, кроме деспотического, не может быть.

Если правильна восстановленная нами картина государственного строя древнейшего Шумера, то возникает вопрос: как же определить такой государственный строй? Это, конечно, не деспотия. Ни о какой патримониальной власти царя-деспота здесь не может быть и речи. С точки зрения формально-юридической классификации — это вообще даже не монархия. Государство, в котором теоретически, а вероятно, и практически, глава государства избирается и может быть низложен народным собранием или советом, государство, в котором глава государства есть орган, подчиненный другим органам, есть юридически республика.

Но мы подходим к вопросу не формально-юридически. До тех пор, пока в раннешумерских государствах источником государственной власти

---

[1] Урукагина принадлежал к другому роду, чем представители низложенной династии (последние считали божеством-покровителем Шулькунэ (?), а Урукагина — Ниншубура); однако он состоял с родом Лугальанды в свойстве, см. ВНШП, стр. XXI; точно так же Гудеа был зятем своего предшественника Ур-Бау и свояком своего преемника Намахни, см. В. К. Шилейко, ЗВОРАО, XXV, 1—4, стр. 137 сл.

[2] Заключаю по аналогии с мифическими порядками в царстве богов. В XI табл. аккадского эпоса Гильгамеша (стк. 1 сл.) герой спрашивает Утнапишти, как он добился вечной жизни и нельзя ли ему, Гильгамешу, достичь того же самого. Утнапишти рассказывает, как после потопа все боги собрались к его жертвоприношению и Энлиль ввел его в число богов. «А ты — кто для тебя созовет богов на собрание (û attā mannu ilā ni upahharakummā)?» спрашивает Утнапишти. Если в боги принимали на собрании богов, то, очевидно, в граждане принимали на народном собрании, собрании граждан.

[3] Объявление войны с ведома совета старейшин и народного собрания — см. AJA, LIII, № 1, стр. 1 сл.; Гильгамеш, табл. II, стб. V, 172—216 (поход Гильгамеша против Хумбабы); En. el., III, 116—122 и др.

[4] В Аншуре существовал «дом общинного совета» (bît âlim), занимавшийся ростовщическими и торговыми операциями и, в частности, имевший монополию на торговлю медью, см. РЗОА, стр. 19. О bît mahîrim в Вавилонии см. выше, стр. 24, прим. 3.

[5] В архиве из Джемдет-Насра администраторами храмового хозяйства являются «старейшины», см. A. Falkenstein, Archaische Texte aus Uruk, 1936, стр. 47.

[6] В аккадском эпосе Гильгамеша (III, 11—12) старейшины говорят Энкиду, уходящему с Гильгамешем в поход: «В нашем собрании мы поручили тебе царя, ты же опять должен будешь (потом) поручить нам царя».

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

не только теоретически, но и фактически было народное собрание свободных общинников-воинов [1], мы можем сказать, что там существовали такие государственные органы, формы которых восходят к первобытно-общинному строю. Этот тип общественной организации не имеет ничего общего не только с парламентской республикой, но и с республикой античного типа. Власть правителя ограничена здесь функционально перестроенными, но по форме сохранявшимися органами родового строя. Конец этого периода в развитии раннешумерского государства следует предположительно отнести к первому раннединастическому периоду, т. е. до появления династии Ур-Нанше в Лагаше и I династии в Уре. Время Эанатума (ок. 2500 г. до н. э.), период ожесточенной борьбы многочисленных усилившихся «лугалей», стремящихся создать не «номовое», а общешумерское государство, и общего переворота в культуре (тот период, с которого обычно начинается изложение истории Двуречья в учебниках), является в этом отношении переломным временем.

Но и тут еще не наступает господства деспотии. Власть правителя продолжает оставаться ограниченной, но войны принимают характер личных войн правителей, предпринимаемых с помощью дружин зависимых от него лиц; дает себя знать огромный рост богатства правителей, а народные массы настолько оттесняются на задний план, что самое их существование оказалось незамеченным исследователями, которые приняли людей храмового персонала с их служебными наделами за свободных общинников [2]. Очевидно, власть правителя ограничивается — и то только внутри каждого отдельного «нома»— уже не столько народом, сколько советом. Это период господства родовой аристократии, аристократическая олигархия [3].

Общая историческая тенденция вела к объединению общин и созданию единой ирригационной сети, а вместе с тем и к усилению власти правителя, осуществлявшего и олицетворявшего это единство. Мы знаем, что в жестокой борьбе со своими соотечественниками цари династии Аккада проводили объединительную политику, а один из них — Нарам-Син — даже объявил себя богом, что должно было сильно облегчить ему задачу утверждения своей власти помимо и превыше всех общин и общинных советов [4], династия Аккада не сумела долго удержаться, но через столетие III династия Ура проводила эту же политику с большей последовательностью и с большим успехом, добившись превращения «энси» в обыч-

[1] Т. е. пока господствовало положение, засвидетельствованное древним шумерским эпосом о Гильгамеше и Аге и, повидимому, архивом из Шуруппака, где существовало еще активно действующее народное собрание (см. выше, прим. 4 к стр. 26 и прим. 13 к стр. 27).

[2] См. ВДИ, 1950, № 2, стр. 92—95, где указано на различие между общинниками и храмовым персоналом.

[3] Может быть задан вопрос: является ли вообще ранне-шумерское общество классовым и можно ли здесь говорить о государстве? Не имеем ли мы здесь в чистом виде еще первобытное общество? Но напомним, что все признаки государства уже были налицо: территориальное деление (отражено в порядке выдвижения эпонимов в Шуруппаке, примерно XXVII в. до н. э.); оторванные от народа средства насилия (постоянные военные отряды в том же Шуруппаке, WTF, 92—101; войско Лагаша, явно профессиональное, судя по его вооружению и боевому строю; см. также списки военных отрядов из лиц храмового персонала при Урукагине в XXIV в. до н. э., Ник., I, № 3 и DP, № 135); оторванная от народа администрация («энси» и «лугаль» и их многочисленные чиновники); налоги (ясно засвидетельствованные в текстах о реформах Урукагины, см. ВДИ, 1951, № 1, стр. 20 сл.).

[4] Цари в Двуречье не считались богами в силу самого своего царского звания, как это было в Египте; большинство из них пользовалось посмертным культом, но им пользовались и предки отдельных родов и семей. При жизни же были объявлены богами лишь немногие цари (Нарам-Син, Шульги, Бур-Син, Шу-Син Иби-Син и некоторые другие). Если Хаммураби называет себя «божеством царей», то это не более, как эпитет.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ных чиновников, назначаемых и сменяемых царем [1], и выработав впервые теорию вечной, божественной «царственности» (nam-lugal), некоей субстанции, присущей царям, спустившейся с неба при сотворении мира и непрерывно, в закономерной и предустановленной богами последовательности переходящей от царя к царю.

Правильное понимание развития государственной власти в странах древнего Востока возможно только на основе анализа классовых сил в их взаимодействии. Общая схема классовой структуры шумерского общества в настоящее время выясняется [2], но требуются еще значительные уточнения; характер источников, к сожалению, пока еще не всегда позволяет непосредственно различить классовую подоплеку каждого из тех или иных исторических событий, и о ней возможно бывает судить лишь по косвенным данным. В дальнейшем нашей науке, несомненно, удастся внести здесь полную ясность. Но связанные с этим вопросы настолько сложны, что при всей важности их для разбираемой в настоящей статье проблемы и односторонности освещения характера шумерского государства без их привлечения все эти вопросы невозможно осветить в пределах одной статьи с достаточной полнотой. Все же в предварительном порядке хотелось бы обратить внимание на следующее. Самый факт существования на Востоке более демократических форм устройства государства и общества, чем это считалось до сих пор, никоим образом не является неожиданным. Мы видим здесь те же закономерности развития общества, которые мы знаем и по другим странам. Немало черт сходства, в частности, имеется и между древнейшим Шумером и Грецией от героического века до Дракона и Солона. Но не было бы ничего более ошибочного, чем «причесывание» Шумера «à la Greque», по выражению акад. Н. М. Никольского. Уже при нынешнем состоянии наших знаний мы можем заметить некоторые особенности исторического развития Шумера, проходившего этап рабовладельческой формации своим путем, другим, чем любое иное общество, в частности, чем Греция и Рим [3].

Движение за объединение Шумера под властью единого царя, обусловленное необходимостью объединить всю ирригационную сеть страны для ее рационального использования, должно было проходить в борьбе с местной, связанной общинными традициями и сильной ими родовой аристократией. Не народное собрание, а именно совет старейшин — учреждение в условиях ранне-классового общества олигархическое по преимуществу — был в это время, повидимому, активно действующим органом. Именно родовой знати принадлежали в это время большие земельные территории [4] и ведущие политические позиции. В этой борьбе имеется известное сходство с процессами, проходившими в Греции в VI в. до н. э. Но шумерские «лугали» — это не тиранны. По происхождению их можно скорее сравнить

[1] См. C. E. Keiser, Patesis of the Ur Dynasty, YOS, Researches, IV, 2, стр. 14. В дальнейшем «энси» (в аккадской форме «ишшаккум») становится обозначением всякого лица, управляющего и пользующегося царской землей; поэтому при Хаммураби этим термином обозначались царские арендаторы.

[2] Позиция автора в этом вопросе изложена в предварительной форме на страницах ВДИ, 1950, № 2, стр. 93. К приведенной там схеме социального деления раннешумерского общества следует прибавить, что общинники, владевшие землей вне храма, делились на рядовых земледельцев и весьма крупных землевладельцев из родовой знати (см. относящиеся к этому времени документы купли — продажи земли).

[3] Следует подчеркнуть, что весьма значительные, может быть, не меньшие отличия существуют и между историческим развитием общества Шумера и развитием общества в Египте, Палестине, Малой Азии, Финикии, Иране, Средней Азии и т. д.

[4] Свидетельство этому можно найти, например, в записи о покупке земли «лугалем» Лагаша Энхегалем (значительно ранее Ур-Нанше, примерно в XXVII в. до н. э.), UMBS, IX, № 1.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

с греческими басилеями и римскими рексами. Но и от них они значительно отличаются. Прежде всего, они с самого начала были несравненно сильнее экономически и политически. В условиях ирригационного хозяйства в их руках, как глав культа и жречества, находились два ключевых экономических фактора: оросительная система и храмовое хозяйство. И мы видим, что «энси» династии Ур-Нанше в Лагаше ставят основной задачей более полное овладение храмовым хозяйством вплоть до полного его присвоения. Из-за этого идет борьба в правление Урукагины. Далее, правители, управляя храмовым хозяйством, имеют в своем полном распоряжении многочисленный штат зависимых от храма лиц и могут, следовательно, создавать свое личное войско, силу, совершенно не зависимую от общинных органов управления. Тем самым они захватывают, наряду с экономическими, и ключевые военно-политические позиции. Эти-то члены храмового персонала и зависимые лично от правителя лица, получающие землю и довольствие от правителя, рассчитывающие на него, и, не обладая землей в общине, лишенные в ней и гражданских прав, должны считаться наиболее надежной опорой царской власти. При этом имеется в виду та часть этих лиц, которая принадлежала или примыкала к эксплуататорам, к администрации и жречеству, к привилегированной верхушке ремесленников и войска. Эта часть персонала храмовых и царских хозяйств должна была полностью разделять классовые и политические интересы правителя; остальные, члены храмового персонала и персонала царских хозяйств, являвшиеся непосредственными производителями материальных благ, постепенно сводились на рабское положение, что так ярко показано акад. В. В. Струве для царского хозяйства III династии Ура. Но и они должны были держаться за правителя, чтобы не лишиться всего.

Вне храма и царского хозяйства, в связи с общим процессом имущественного расслоения общины, цари также должны были найти достаточно многочисленные элементы, готовые выступить против родовой аристократии в союзе с царской властью [1], до известной степени аналогичные слоям, поддерживавшим в Греции тираннов. Политическое положение «энси» и «лугалей» должно было поэтому усиливаться еще и тем, что возможен был временный союз с народными массами, которые не могли еще видеть, что усиление царской власти приведет к такому усилению политического гнета, который скует их развитие на сотни и сотни лет вперед. Отсюда легенда о Саргоне аккадском как «человеке из народа».

Здесь ясно сказывается разница в политическом развитии Греции и Шумера, хотя законы возникновения классового общества и государства, сформулированные Марксом и Энгельсом, Лениным и Сталиным, действовали в обоих случаях и оба общества отправлялись от одинаковых исходных позиций позднеродового строя. В Греции община быстро превратилась из родо-племенной в «гражданскую», в политическое объединение индивидуальных земельных собственников-рабовладельцев; в Шумере общины превратились в ирригационно-сельские, нуждавшиеся в организации коллективных видов труда и верховном объединении; унаследованные же от первобытно-общинного строя органы были неспособны создать такое объеди-

[1] Весьма крупных земельных внехрамовых собственников мы встречаем в Лагаше еще до Ур-Нанше (документ Энхегаля); случаи продажи детей в рабство известны несколько позже (при Энентарзи, RTC, № 17). Следовательно, расслоение в среде общинников было значительным, а борьба рядового крестьянства со знатью должна была быть ожесточенной. Поэтому народные массы могли временно поддерживать царей в их борьбе с местными олигархиями. Д. Г. Редер, Военная демократия на древнем Востоке, Уч. зап. МОПИ, т. XIV, кафедра Древнего мира, вып. 1, стр. 121, указал на то, что род народного собрания существовал при Саргоне Древнем, который совещался с ним для объявления похода, ср. E. Weidner, Boghazköi-Studien, VI, 1922. Повидимому, это было собрание войска в целом, а не общины Аккада.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

нение, ибо были связаны местными, часто еще родо-племенными условиями и интересами и даже культовыми ограничениями[1]. Единство общин должно было придти вопреки общинам. Вот почему для этого нужна была сильная рука, а не потому, что вообще деспотическая власть сильнее и эффективнее демократической в условиях Востока, как это рисуют буржуазные историки. Поэтому в Греции этап тираннии был преходящим, и борьба между демократией и олигархией могла приводить к победе рабовладельческой демократии. В Шумере же в борьбе участвовал неизвестный грекам фактор в виде экономически мощного храма, со стоявшим фактически вне числа граждан многочисленным персоналом, и управляющего орошением правителя: поражение аристократической олигархии означало здесь сведение общинных коллективных органов управления на второстепенные роли и победу общегосударственного объединения в форме деспотии.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

[1] Идеологическим обоснованием власти «номового» правителя являлось его представительство перед «номовым» божеством. Лишь такой правитель мог быть выдвинут «номовыми» органами управления, но власть, покоившаяся на таком идеологическом основании, не годилась для выполнения задачи объединения разных общин и ирригационной системы страны.